

Анатолий Крикун

Начало

Педагогическая повесть о детстве

Анатолий Крикун

**Начало. Педагогическая
повесть о детстве**

«Издательские решения»

Крикун А.

Начало. Педагогическая повесть о детстве / А. Крикун —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518923-3

Педагогическая повесть о становлении характера и развитии духовных качеств подростка в 50—60-е годы. Повесть о времени и о себе.

ISBN 978-5-00-518923-3

© Крикун А.
© Издательские решения

Содержание

НАЧАЛО	6
ТАМАРА И МОИ АНГЕЛЫ-БАБУШКИ	10
МАМА	16
ОТЕЦ	17
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Начало

Педагогическая повесть о детстве

Анатолий Крикун

© Анатолий Крикун, 2020

ISBN 978-5-0051-8923-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КРИКУН АНАТОЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ

ГОРОД УФА МАКСИМА РЫЛЬСКОГО

ДОМ 7 кв. 100 тел. 216 -49-27.

НАЧАЛО ПРЕДИСЛОВИЕ

*Воспоминания и размышления бывшего
педагога о детстве.*

Когда тебе далеко за шестьдесят и вот -вот разменяешь восьмой десяток и даже при том, что память не очень крепка и большая часть жизни прошла как и у большинства моих сверстников казалось бы в простой, обыденной, ничем ни примечательной жизни, заполненной работой, семьей нет -нет прорастают сквозь толщу времени те яркие моменты, вроде незначительные, которые приоткрывают пути становления личности и тайны бытия раскрываемые в начале пути. С возрастом и осмыслением яснее видны те тропинки по которым еще незрелая душа и сознание шли к извечным вопросам о жизни и смысле нашего существования. Яснее предстают и те люди которые продвигали тебя и наставляли на том пути которым ты шел и которым идешь до последнего своего дня. Долгие годы простого будничного бытия вдруг, накануне Нового 2013 года, озарились яркой вспышкой. Мой брат-погодок (где я старший, а есть и еще один брат и сестра) позвонил из Москвы с поздравлением и сообщил, что в Интернете, по подсказке жены, решил найти сведения о нашем дед, о котором сохранились лишь бабушкины рассказы, скорее похожие на легенды, и единственная оставшаяся фотография, где изображен высокий красавец в армейской форме царской армии. По запросу в Интернете две поисковые системы высветили на экране компьютера сведения о моем дед е-«Драбков Сысой Федорович-Георгиевский кавалер Волынского лейб – гвардии полка, подпрапорщик второй роты». Дальнейшие поиски материала по Волынскому полку дали возможность узнать о том где проходил службу мой дед, как воевал, какие награды и за что получал один из героев той Первой мировой войны, которой минуло сто лет, какие подарки получал за службу и за раны из рук последнего императора бывшего последним шефом этого полка и числившемся в нем в первой роте вместе с последним наследником.«Грудь в крестах или -голова в кустах» – это не совсем про него, кресты были, а умер он в 1927 году, когда ему еще и не исполнилось сорока полных лет. Пройдя всю Первую мировую войну с первого до последнего дня, не вернувшись с одной войны попал на другую, влившись в качестве военного специалиста в отряд партизанский луганского мастерового рабочего и профессионального революционера знакомого и вождем мирового пролетариата Ленину, Клима Ворошилова, выросшего в первого советского маршала и героя патриотических песнопений где» с нами Ворошилов – первый красный офицер», дед, Сысой Фёдорович, большую часть своей жизни, посвятил армии и только в конце смог посвятить её семье, но успел за семь лет, что не был на фронтах, а обзавелся семьей, явить на свет семерых детей, среди которых была и моя мать, которую он назвал Софьей. Ей было всего два года, когда отца не стало и о нем она больше узнала от своей матери и моей бабушки и немного рассказала своим детям. Но о моем дед – особая история в которой я до сих пор пытаюсь найти ответы на вопрос-«А может быть и мне, родившемуся через двадцать лет после смерти деда, что-то и осталось в этой жизни, кроме смутных воспоминаний, единственного фото и памяти Интернета? Как говорится – «Голос крови зовет!». Видно голос крови и заставил меня начать рыться в дебрях своей несовершенной памяти, отыскивая то, что досталось мне от моих предков, от моих учителей, друзей, товарищей да и просто встреченных людей, которые оставили во мне свой след, затронули во мне то- что называется душой, заставили чувствовать и переживать. Надеюсь, что мои фрагментарные воспоминания о моем детском и не только детском опыте, хоть кому-то помогут вернуться памятью в свои давние годы, а молодым читателям окунуться в малоизвестное время когда для меня деревья были

большими и мир был полон разных красок. Вернись читатель и в свое детство, чтобы лучше знать о себе сегодняшнем.

Рассказ первый. ДЕРЕВНЯ.

Истоки моего бытия -деревня Черниговка, которая начало свое ведет с 1904 года и основана была переселенцами из малороссийской Черниговской губернии – что на Украине. Бывшая кара – якуповская волость стала чишминским районом республики, которая сейчас называется Башкортостан. Рядом находится деревня Кляш – родина народного поэта Мустая Карима. Места примечательные. Рядом, текущая тихо красавица Дёма, обрамленная лесами, пьянящими воздух старейшего санатория Юматово, что неподалеку, на пригорке. Первые переселенцы, основавшие Черниговку, и еще несколько близь лежащих поселений, прибыли на тучные башкирские земли в результате политики властей, принеся с собой навыки украинских и белорусских землеробов, их уклад жизни и особый говор, который я слушал от матери. Еще раз с этим говором я встретился совсем недавно и, совершенно случайно, когда щелкая переключателем каналов телевизора, вдруг услышал, уже ушедшей из жизни матери – тот особый напевный, где смешались: русские, украинские и белорусские наречия. В программе «Время» шел репортаж с титрами из белорусского села, которое называлось, как значилось в титрах, – «Черниговка» и говорили женщины, носившие фамилию девичью моей матери. Я сразу смекнул, что, видимо, корни мои находятся и там -в Гомельской области Белой Руси. Но, большинство из первых переселенцев, коих по бумагам числилось 611 человек были с украинской Черниговщины. Когда переселенцы, засучив рукава, рубили первые избы, в них вместе с красочными вышиванками и яркими одеждами молодух, вселялся тот быт и тот особый мир-то устройство жизни, что выработалось русским миром в течении столетий и органично вписалось в природу и уклад жизни новых краев, ставших новой родиной для следующих поколений.

Родиной моей матери стала и моей малой родиной, которая, наверно, влила в меня – тогда еще совсем несмышленишка, что то от своих красот: воздуха, звуков, хотя я прожил там лишь самые первые шесть лет своей жизни. По тем временам деревня была большой: была средняя школа, клуб, велось разнообразное колхозное хозяйство. В конторе, школе, клубе было электричество, добравшееся до ферм и машинного двора, но в домах многие еще пользовались керосиновыми лампами. До столицы республики от деревни, на поезде, было минут сорок ходу и из Уфы, сойдя на остановке «Пионерская», нужно было спуститься под горку мимо

башкирской деревни и очутиться на берегу Демы, через которую лодочник за 10 копеек, непременно отрывая билет за перевоз, переправлял на другой берег, где, невдалеке, значилась первыми избами- деревня. Самой ближней избой (домом назвать ее, даже по меркам того времени назвать было трудно) к реке был дом моей бабушки, которая жила с младшей дочерью-ещё незамужней тогда. По весне Дема разливалась и полая вода, заливая луговины, подступала к самому дому и деревня не расширялась в эту сторону, а поднималась плавно вверх. Мне казалось, во время разлива, что так выглядит море. Дорога до деревни осталась в моей памяти своим толстым слоем пыли, которая в частые тогда жаркие годы, обжигала потрескавшиеся пятки мальцов, бежавших искупаться на реку. Иногда на реке проводился и целый день, питаясь сворованными раньше сроков недозрелыми плодами огородных грядок и садов, а так же, выловленными из реки и озера, которое давно исчезло, рыбешками и раками приготовленными на костре. Иногда нас, заигравшихся, черных от загара и посиневших от холода с шумом разгонял кто то из старших подростков или сердобольный родитель.

Время моего появления на свет весной 1947 года, старожилы вспоминали слишком ранним мартовским таянием и широчайшим разливом рек и ручьев, а весь этот год как самый неурожайный из-за жары послевоенный год, когда колхозникам пришлось вспомнить про прошлые голодовки. Мать моя – пятый в семье ребенок, рано ушедшего из жизни от бесчислен-

ных ранений в годы войн и трагического случая, моего деда, произвела меня на свет с помощью бабки -повитухи, которой оказалась моя бабушка родившая сама семерых – за семь лет супружеской жизни, так как фельдшер неизвестно где застрявший из за непролазной дороги добраться вовремя не смог. Появился я на свет с громкими воплями и эти вопли, как говорила мне мать, почти беспрерывно продолжались несколько месяцев. Первый год жизни был голодным – половина страны не знало вкуса хорошего хлеба и почти забыли вкус мяса. Военная часть, в которой служил отец, находилась недалеко от деревни, и красивый украинский парубок-парень познакомился с пригожей сероглазой медсестрой Юматовского санатория, где моя мать с подругами из деревни, спешно окончившими во время войны курсы медсестер, работала, помогая тяжелораненым и видела столько страданий и горя, что ее воспоминания для меня- уже повзрослевшего, врезались в память на всю оставшуюся жизнь, как – страшное свидетельство той стороны – войны где нет героизма, а есть- трагедия и боль. Слёзы, слёзы, слёзы! Письма из госпиталя родным, от тяжело раненных искалеченных войной солдат, написанные дрожащей рукой на бумаге омоченной слезами, застиранные побуревшие от крови бинты, второй или третий раз шедшие на перевязку, перестиранный и заштопанный одежда (рубашки, гимнастерки, шинели и ватники), где остались отметины от пуль и осколков, Бессонные дежурства сутками... и как подарок судьбы редкие танцы в воинском клубе, где ее и заметил отец, а может, она его выделила среди других кавалеров. Я этого так и не знаю – какая была у них ранняя любовь, но плод ее четверо детей, где я оказался первенцем, а последней после еще двоих братьев стала наша общая любимица сестра, которая появилась на свет, когда матери пошел пятый десяток лет. Первым, и, как мне кажется, самым любимым был- я, но то же, я уверен, думают и мои братья с сестрой в отношении себя. Наверное, я так думаю еще и потому, что в первый тяжелый год в полной мере своим рёвом оправдывал и свою фамилию по отцу -«Крикун», который вместе с матерью подарил мне не только жизнь, но и двух изумительных бабушек и, к сожалению – ни одного деда. Мать и отец, как военнообязанные, были на службе, детского сада не было и со мной много занимались бабушка, которая уже от потерь и жизненных невзгод плохо ходила и жила вместе с младшей дочерью. Чтобы мать могла в голодный год кормить меня – болезненного, оттого, наверное, и крика много было- молоком; отец часть офицерского пайка выделял жене, но от этого молока не появлялось и спасала любимая тетя, работавшая дояркой на колхозной ферме и в маленьком медицинском пузырьке приносившей молоко в котором замачивали хлеб, тем и кормили меня. Тетя была младшей из четырех сестер в рано овдовевшей семье деда и носила ласковое имя Аня – так ее все в семье называли. Мне она казалась самой красивой из всех кого я помню по своим детским впечатлениям. До сих пор все мои воспоминания о самых первых моих шагах связаны не только с бабушкой, мамой и реже с отцом, но так же и с тётушкой, которая еще не имея своих детей, отдавала свою любовь и заботы мне. В ушах звучит ласковый, гортанный, с хрипотцой, своеобразный голос; ее постоянная улыбка, при виде меня, даже когда я стал взрослым и изредка приезжал в гости. От своих сестер и родственниц она отличалась исключительно гармоничными чертами лица, как у женских древнегреческих скульптур. Ее супермодный для деревенской красавицы образ, подкрепленный высокой прической в плюшевом чёрном жакете наброшенном на ситцевое цветастое платье, в высоких, лакированных, черных сапогах и сейчас расцветен в моих воспоминаниях самыми радужными и яркими красками. В таких же сапогах- пискон последней моды той далёкой жизни явилась и моя мать на самой ранней фотографии- где запечатлен и я. Моя мама называла свою младшую сестру Нюрой, а она мою мать Шурой или Сашей, хотя по документам она значилась Софьей. Это имя дал ей отец, но я его от других и от отца своего почти не слышал. Почему она и многие называли мою мать по-иному, я узнал позже от самой Ани. Это была память о ее старшем брате Александре, который погиб во время Отечественной войны служа на Северном флоте, и которого вся семья после ранней смерти моего деда считала и отцом, и кормильцем, и старшим братом Красавица Аня долго искала свое счастье.

После войны в деревне почти не осталось мужчин близких ей по возрасту, а ей хотелось детей, и всю свою любовь она переносила на меня, балуя меня сверх всякой меры, как я сейчас понял: то чем-то вкусненьким-то простенько скроенной новой одежкой, сшитой с помощью простой иглы. В пять часов утра она должна была летом уже быть на работе, на утренней дойке, вечером приходила затемно. Вручную нужно было три раза подоить большую группу коров – зато днем она могла, особенно с наступлением холодов, заниматься со мной, так как бабушке с ее больными ногами следить за мной было трудно. Следом за Анютой на работу уходила мать, накормив меня – чем бог послал. Для страховки меня привязывали в люльке к рейкам полотенцем так, чтоб руки и ноги могли двигаться. Люлька висела под потолком низко к полу, чтобы, если я вывалюсь, шибко не ударился, и вместо соски для успокоения подвязывали в пределах досягаемости рукой, замоченную в воде или молоке и завернутую в марлевую тряпицу из медицинского бинта корку хлеба, которая, на время избавляла бабушку от моих воплей. Проверив, что до деликатесного мякиша можно дотянуться рукой, мать уходила на работу в санаторий, до которого нужно было добираться несколько километров. Со мной же мучиться оставалась моя добрая бабушка. А моей любимой Анюте, Нюре, Аннушке, как ее еще называли, на время подвернулось мимолетное счастье в лице развеселого, залетного киномеханика, что крутил фильмы по деревням и с которым состоялась короткая любовь, оставившая мне двоюродного брата и друга юности – Кольку. Зрелая, устойчивая любовь пришла к тетушке позже. И я, уже повзрослевший, хоть встречи были крайне редки, и чувствовал и наблюдал сколько тепла своей щедрой души она вложила в так и оставшегося единственным сыном и многочисленных внуков. Мир праху ее и вечная память – пока я жив.

ТАМАРА И МОИ АНГЕЛЫ-БАБУШКИ

Как же я вас люблю вас – бабушка Мария и бабушка Анна, хотя с первой я прожил лишь первые шесть лет своей жизни, а вторую, украинскую, видел всего несколько раз, когда она приезжала к нам в гости навестить своего сына, осевшего в Башкирии, а так же сноху и троих пацанят. Бабушка Мария жила в домике младшей, тогда еще одинокой дочери, которую я, как и многие другие называл, Анютой. Невзрачный домик-маленький с завалинками, чтобы в холода было теплее, стоял на самом краю деревни. Покосившийся, вросший в землю, не чувствующий мужской руки, с низким потолком и низко сидящими окнами был самым ближним к реке. Покосившаяся калитка, поросший травой дворик, небольшой, огороженный где-то плетнем, а где просто жердями, участок под овощи, пустой сарай, где хранились дрова, а из живности держались только куры, постоянно разбойничавшие в огороде. Вместо крылечка, лежала широкая вросшая в землю замшелая доска. Участок под картофель был защищен с двух сторон, стоящего на краю деревни дома, зарослями крапивы. Другая сторона участка упиралась в соседний огороженный участок, где жила тетка Лукерья, которая приходилась бабушке невесткой, так как была замужем за старшим сыном бабушки, а после похоронки с войны снова вышла замуж за редкого возвратившегося с фронта, односельчанина, что было для того времени редким случаем. Мужиков в деревне не хватало, так что, ее муж, как мы его звали- дядька Кирилл, бывший и знатным охотником и работягой в колхозе. Часто он бродил, особенно поздней осенью и зимой, по окрестным лесам когда не было напряженной работы, помогал бабушке вести скудное хозяйство. У меня в их крепком доме отстроенном до войны погибшим дядей, жили, старшие чем я двоюродные: брат Михаил и сестра Тамара, а так же появившийся в новой семье друг раннего детства Лёнька. Дядька Кирилл осмелился взять в жены вдову с двумя детьми, хотя на него заглядывались даже молодые девчата. Тамара от рождения была впечатлительной и необычной. Одни называли ее – «блаженной», другие – «тронутой». Болезнь, видимо, углубилась с гибелью отца и трагической смертью брата моей матери – её двоюродного брата, который во время войны вкалывал в колхозе как мужик и в один из осенних дней скирдуя солому упал с верхушки стога на промерзшую землю, то ли от потери сил на пустой желудок, то ли от порыва ветра. Тамара была копией моей бабушки: с широким, открытым, округлым лицом, светлыми волосами, постоянно убранными под платок, и имела неопрятный вид. Она не носила новой одежды не потому что ее не было, а просто раздавала её или убирала подальше и ничего поделывать с этим было невозможно. Волосы, когда выбивались из под платка, были не чёсаны, да и спала она, видно, не снимая одежды. Нос часто шмыгал, но никаких лечений видимо не принимал. Крупные руки с огрубевшими ладонями, от работы по дому и на огороде, и вся ее фигура демонстрировали большую физическую силу. По сравнению с нашей малышкой, что жила на краю деревни, она казалась нам великаншей и была действительно крупной, но трудно было определить ее возраст. Порой, она выглядела как взрослая девица, а разум был- как у малого дитя. Однако ее чумазое лицо, нескладная речь и грубоватый хриплый голос, толстые губы, никак не гармонировали с ее округлым, добрым лицом с серыми выразительными глазами вечно источающими вопрос: «Чем вам детишки помочь?» С девушками – одногодками она не дружила- те её отвергали, как инородное тело, а малышня мужского пола принимала её зная, что она незаменима во многих делах, выполнит любую просьбу: присмотрит, подкормит, защитит и поможет. К малышке она относилась лучше чем некоторые матери. Тамара расчесывала и заплетала волосы девчёнкам малолеткам, которые сами липли к ней, утирала своим приспособленным для этих целей большим платком сопливые носы, постоянно играла с ними в незамысловатые игры. Мальчишки постарше ее дразнили, а малышня, я даже и до сих пор с высоты прожитых лет, не понимаю в полной мере, тянулась к ней. Кому-то, видимо, она заменяла и бабку и мать, занятых своими вечно нескончаемыми

деревенскими делами, и своей вечной улыбкой и тяжёлыми, но ласковыми руками, готовыми к любой работе; давала то- чего кому- то не хватало. Взрослые часто использовали Тамару приглашая на чёрную работу и она никому не отказывала и была благодарна когда её просто кормили и благодарили и, даже не обижалась когда этого не было. Щедрая, богатая душа, которую я не мог оценить тогда в полной мере, раскрылась мне в полной мере слишком поздно, когда я мельком узнал что она в преклонном возрасте ушла из жизни никому не доставив хлопот о себе и никто не мог припомнить, чтобы Тамара за свою долгую, бесхитростную жизнь сказала недоброе слово, не откликнулась на чужую беду или просьбу. Почему я вспоминаю её? Да потому, что она, когда мать и тетя уходили на работу, оставляя меня орущего в люльке, привязанного в ней полотенцем, таскала, по-родственному и по-соседски, на своих, тогда еще полудетских руках крепко прижимая к своему теплому телу, боясь что я выпаду из рук и что-то тихо бормотала на ухо для успокоения. А, что же бабушка? Она, в то время, уже с трудом ходила, болели ноги, часто опухали и Тамара была тут- незаменима. Зато бабушка могла часами колыхать люльку, петь ласковые песни, а когда я начал соображать, рассказывать мне, а, скорее, самой себе свою нелегкую жизнь из которой я почти ничего не запомнил. Запомнился её голос и речь которую сейчас уже нигде не услышишь -многие слова ушли в прошлое и непонятны нынешним людям. Приходиться только сожалеть, что такое богатство и житейский опыт утерялись тогда и я оказался невнимательным слушателем. Все шесть лет общения пришлось на год когда я был несмышлёнышем но, наверное, что- то генетически вошло в меня, вело меня по жизни, и что хотелось бы передать своим детям и внукам. Бабушка любила безумную Тамару, она любила и меня, что я чувствую и до сих пор, она очень сильно любила всех своих и не только своих детей и двух моих братьев, явившихся на свет сразу после меня. Любила самозабвенно, отдав им все свои силы и душу. За семь лет своей недолгой супружеской жизни у нее появилось семеро детей, как говорится – семеро по лавкам; каждый год- прибавка в дружной, любящей семье. Рано схоронив мужа и двух сыновей во время войны, оставшись навек вдовой, пережив мужа на сорок лет и, будучи при этом еще привлекательной молодой женщиной- она всю оставшуюся жизнь посвятила своим детям безропотно перенося все тяготы тогдашней нелегкой жизни, впитав в себя четыре проклятые войны, социалистические эксперименты, годы страшного голода и иных более мелких, но частых потрясений. Пройдя через тяжелые времена бабушка вложила все силы с избытком в своих детей, никого не выделяя, обо всех боля. Из всех лиц, являющихся в моих воспоминаниях о раннем детстве, лицо бабушки Марии мне является наиболее отчетливо наряду с лицами матери и отца, с которыми я вместе прожил сорок лет. Бабушка Мария не была красавицей как ей рожденные дети, которые красотой не были обижены: округлое, белое, но очень выразительное лицо, светлые волосы, к моему появлению на свет ставшие совершенно седыми и всегда аккуратно прибранные под платок, маленькая отметина, в виде припухлости, над верхней губой – всё это украшали глаза-большие и тёплые, ясные, лучистые, с грустинкой; всегда широко открытые и, как мне казалось совсем не мигающие, в которых таилась такая притягательная сила, которая и заставляет настоящих мужчин совершать безумства, забыв про всё и, утопая в их глубине. В этих глазах, даже в старости, светилась жизнь и молодость. И если лицом, моя мать в бабушку не удалась а переняла все черты от своего отца, то глазами сошлась —по этому, видимо, мне и легче вспоминать их сквозь толщу времени. Наверное, мой дед, вернувшийся после почти шести лет непрерывной войны, – героем которой он оказался, ожесточающей мужские сердца, писанный красавец -Иван-царевич, правда весь израненный, долго не раздумывал с кем связать свою дальнейшую жизнь. Заглянув в глаза деревенской простушки, вроде на фоне других ничем не выделявшейся – он нашёл в них и верную любовь и успокоение в своей мятежной и нелегкой жизни. Семья Марии, тоже из работящих переселенцев, как тогда водилось, была многочисленной, и отдать дочь за героя известного и государю- императору и советским полководцам, еще молодого, по мужским меркам, имеющего завидную должность и при советской власти и жилье

в городе с радостью согласилась на такой выбор. Однако случился конфуз, дедушка по обычаям заведенным в лейб – гвардии императорском Волынском полку и пристрастившемуся к карточной игре, спустил квартиру в городе, хотя был хорошим картежником, проиграв ее шулерам и как то замаял это дело с властями, исполнив неписанный закон, что карточные долги следует непременно отдавать. Так что бабушке пришлось оставаться в деревне, а дед постоянно, будучи инспектором по боевой подготовке, постоянно мотался командированный по воинским частям по Уралу и Поволжью и с семьей встречи были не частыми зато долгожданными и горячими, да и дом в деревне был добротный и всегда ожидал хозяина. Супружеский долг был исполнен с избытком и в доме за семь лет жизни с семьей в доме, один за другим появилось семеро крепких детей. Когда же дед от ран и постоянных мытарств и в результате трагического случая скоропостижно умер не дождавшись ожидаемого очередного ребёнка, вся эта ватага, из которой старшему было не более семи лет, а младший появившийся на свет ещё не отлип от материнской груди, осталась тяжелым бременем на плечах у бабушки. Чего пришлось хлебнуть многодетной вдове- трудно представить! Это были и голодные и переломные годы -20-40 -е, в огне которых сгорели десятки миллионов людей. Чтобы выжить пришлось лишиться и крепкого дома, почти всего нажитого имущества, распродать и обменять на продукты золотые и серебряные Георгиевские кресты деда и подарки от последнего императора и от благотворительных обществ за подвиги и раны в боях по защите Отечества в Первой мировой, или как её тогда называли- Германской. От власти советской – мизерное пособие по потере кормильца. Спасало то, что с малых лет все были заняты в хозяйстве и рано познали тяжесть и значимость крестьянского труда, да и родственники и, даже, односельчане, сами находясь в нужде, чем могли тем помогали. Бабуля поставила на ноги всех семерых, пройдя через страдания голодных лет проведения коллективизации и раскулачивания, когда у вдовы с крепким домом и хозяйством – отняли и имущество и детей, отобрав их в детский дом. Сколько сил и здоровья психического было потеряно в борьбе за то, чтобы семья воссоединилась! Это был – материнский подвиг! Всех довела, через школу до приличного образования, слезами омыв потерю двух погибших в войне сыновей и переживая за дочерей и самого маленького единственно оставшегося сына Феденьку, который был копией мужа, и в доме которого она умерла, прожив долгую жизнь в год – когда Юрий Гагарин поднялся в космос. Трудно представить – сколько пережила она в жизни, не измерить духовных и физических сил вложенных в детей и внуков! При моей несовершенной памяти, в ней затерялось многое из далёкого детства, но её светлый образ и сейчас даёт мне силы бороться за жизнь, радоваться каждому прожитому дню; вдохновил к написанию главного труда моей долгой жизни- романа- эпопеи, семейной саги – «Жизнь прожить – не поле перейти», где воссоздана жизнь моих предков на протяжении пятидесяти лет и на фоне великих, трагических и переломных событий в истории человечества, Отечества и моей семьи. В её словах и делах, в её жизни родилось то, что двигает меня в жизни и вылилось в творчестве: в стихах и прозе.

Моя украинская бабушка, которую удалось увидеть ненадолго, лишь несколько раз, когда она из аппетитного села Борщовки, что привольно расположилось на полях Харьковщины, приезжала в Уфу. Когда её дети уже выросли и остепенились она могла позволить себе далёкое, нелёгкое путешествие зимой, когда на селе меньше работ и хлопот, хотя боялась железной дороги и появиться в нашей городской однокомнатной квартире на пятерых жильцов и уместиться на ночь на широком диване вместе с тремя мальчишками. Предварительно приходила телеграмма, и мы с нетерпением ждали встречу, рассматривая фотографии, где бабушка снята со своими многочисленными детьми. Её старший сын, ставший таковым после смерти на прокливаемой ей войне, унесшей первенца и мужа, не захотел возвращаться на родину, а свил свое гнездо на не порушено войной, привольной земле Южного Урала, которую он полюбил так же как и мою мать, имевшую и малороссийские корни в своем роду. После первого приезда бабушки Ани, именем которой отец назвал своего последнего ребёнка, четвертого по счету,

появившемуся на свет когда матери уже было за сорок лет и я заканчивал школу и готовился и в рабочие, как отец, и в студенты как многие одноклассники, и которую мы - три брата, совершенно не ожидали, но любили и баловали, мы уже с нетерпением ждали далёкую бабушку. Мы заранее предвкушали – сколько радости своими подарками, любовно собранными всей ее большой семьёй, она принесет нам. С нетерпением ждали её домашних, ни с чем не сравнимых угощений, а больше всего ее рассказов о войне, что нам пообещал отец, сам о годах войны нам не рассказывавший. После её первого визита мы – уже повзрослевшие, и больше расспрашивали, и больше запомнили её яркие, продолжительные рассказы о своей жизни- основу которой составлял бесконечный труд в заботах о своих детях, которых у неё было аж восемь, на одного больше чем у бабушки Марии. В жизни и судьбе обеих бабушек было много общего. В её рассказах о семье чувствовалась такая страстная любовь, которая только и может поддерживать человека в тяжелое время. «Мой Коленька, мой Гришенька, мое золотко» - только так она называла своих детей и нас внучат. Муж её, украинский мужик-землероб, в начале войны ушел бить врага уже топтавшего землю Украины. Пришло несколько писем, а потом связь прервалась- фронт двигался слишком стремительно и люди в шинелях сторали в пламени войны так же быстро и бесследно как сухие несжатые хлеба от пожаров. Двух старших сыновей мобилизовали в армию. Мой отец оказался в военном училище. «Мишенька» остался только на фотографии с моим отцом, сделанной во время войны на их встрече- когда воину казачьего полка был предоставлен отпуск по ранению и он не мог попасть на оккупированную немцами родину, но смог отыскать в тылу отца, который окончил Краснохолмское пехотное училище и готовил резервы в тылу. На фото, мой дядя в казачьей кубанке и с медалью на груди, улыбается. Погиб казак уже в конце войны и «Гришенька» остался старшим. О муже своей бабушка узнала после освобождения от фашистской оккупации. На запрос от семьи о судьбе мужа и отца солдата пришло простое сообщение-«Пропал без вести». Где? Когда? Только много лет спустя, после поисков имен погибших солдат в «Книге памяти» Харьковской области появилась запись, что сержант пулемётчик, Крикун Николай Степанович, погиб в оборонительных боях защищая Ростов. Место захоронения неизвестно, как сказано в стихах: «Ни петлички, ни лычки с гимнастёрки моей». Все слёзы бабушка давно выплакала и все рассказы о проклятой войне и оккупации велись напевно и спокойно с порой появляющейся на её лице улыбкой, которой она одаривала внимательных слушателей затаивших дыхание около неё в тесненькой квартирке, и старавшихся не упустить ни одного слова. И за единственным в комнате окном на первом этаже выходящем в сад, в вечерних сумерках во время рассказов и после них не раз мне являлись картины пережитые, когда-то бабушкой. Первое её появление запомнилось так ярко, что и сейчас, спустя, без малого, шестьдесят лет, воскресает из несовершенной памяти как яркое удивительное чудо.

Холодный зимний короткий день подходил к концу, приближалась ночь перед Рождеством после отмеченного Нового года. Мать приоделась в лучшее платье и сделала причёску, чтобы в первый раз предстать перед свекровью в достойном виде. Мы – трое сорванцов, ждали появления далёкой бабушки, сидя на обширной жёлтого цвета тахте с многочисленными подушечками и смотрели на дверь. И вот почти в полночь, в полной тишине слышится, как открывается дверь подъезда и приближаются шаги к квартире, затем открывается дверь квартиры и, вместе с холодным воздухом, рванувшимся к нам через открытую дверь подъезда и открывшуюся дверь квартиры- что была, как раз, напротив двери подъезда, в морозном воздухе появилось непонятное небольшое существо, закутанное в громадный шерстяной платок, скорее похожий на одеяло, скрывающий голову, подвязанный на поясе, закрывавший всю верхнюю часть тела- с головы до щиколоток. Из этого одеяния выглядывал остренький носик и щелочки глаз, отыскивающих нас. «Деточки!» – звучит ее низкий бархатный голос; начинаются объятия, с не успевшей сбросить странную одежду бабушкой. Затем в дверях появляется отец, с расплывшейся от счастья широкой улыбкой на широком лице, с огромным холщёвым меш-

ком за плечами и громадным фанерным старомодным чемоданом – каких я никогда больше не видел. Он – больше смахивал на сундук, и весу в нем было больше трёх пудов. Все семейство загружало кладь и доставляла на вокзал в Балаклею – откуда бабушка, непонятно как, добралась и до нас со своей тяжелой поклажей. Наверное, половина Борщёвки собирали её в дальнюю дорогу, а бабушка в первый раз ехала на поезде, и везла все лучшее, что могла дать ее щедрая земля и щедрая душа. В уфимских городских магазинах, не отличавшихся разнообразием продукции, деликатесов тогда не наблюдалось. Наконец, избавившись от тяжелого груза, наверное не тянувшего плечи, отец избавляет бабушку от тяжелого платка, короткого, подбитого ватой пальто, совсем не зимнего по меркам Урала, которое бабушка называла кацевейкой, избавляет от валенок с галошами задубевшими за несколько минут на крепком морозе. Затем новая серия объятий со «сношенькой», как она ласковым, певучим голосом называла мать, и с каждым из нас отдельно. Наконец мы разглядели бабушку: маленькая, худенькая, остроносая и востроглазая с веселыми глазами и улыбочивым лицом, быстродвигающаяся по тесной квартирке, – она, сразу, заполнила комнату своим скорым, певучим не совсем понятным нам-скорее южнорусским чем чисто украинским говором, и накинулась на нас с новыми ласками. Мать хлопотала за столом на котором появилось особым образом засоленное сало, лакомство для отца, дурманящая воздух домашняя колбаса, разогреваемая на сковороде и уничтожившая все иные запахи, привычные нам и оставившая свое присутствие в нашей квартире и по всей лестничной клетке подъезда, поднявшись до четвертого этажа, что я почувствовал и на следующее утро. А была ещё – домашняя выпечка, какой не найти ни в каком магазине, а так же непременно сладости. У нас -, которые в детстве не были избалованы игрушками, в руках появились незамысловатые игрушки с украинским колоритом. Мне досталась свистулька в виде певчей птицы, которую я немедленно испытал, а потом долго берёг. Второй простенький белый платок, прикрывавший её лоб, бабушка не снимала и даже спала в нем. Ночью мы, с бабушкой и братишкой погодком, размещались на обширной тахте, отец на полу, а мать с младшим братишкой на кровати, чтоб мы не придавили его и он не мешал нам слушать бабушкины рассказы. Наше любопытство привело и к тому, что мы узнали и тайну не снимаемого белого платка. Платок закрывал приличную припухлость на лбу, которая у нее появилась давно, не доверялась врачам, и ласково называлась ей- «гузулей» и которой она не хотела смущать нас. Бабушка Анна внешне полностью расходилась с бабушкой Марией, но как я понимаю сейчас и чувствовал тогда, своим внутренним содержанием была её двойником. Нежность, ласковость, заботливость и теплота исходили от обеих. От обеих я, никогда, не слышал упрёка, окрика, грубого слова, даже нотации и поучения, и не очень приятные для нас «неслухов» просьбы и приказания, произносились ласково. Хотя моя мать припомнила один случай, когда во время одной из гулянок в деревне меня -трехлетнего, кто- то из гостей ради шутки угостил сладенькой кислушкой и я захлебнулся и посинел, Бабушка Мария на своих больных ногах вырвала меня из рук в страхе окруживших меня людей и так трянула меня, схватив за ноги и опустив вниз головой, что вся сладенькая дрянь вышла из меня. Так же быстро под её обретший звук металла голос, быстро были выметены все званные и незванные гости. Мои перепуганные, присмиревшие родители получили свою долю грубоватых «комплиментов». Может быть, тогда бабушка в первый раз спасла мою жизнь, которую спасали не раз.

Самыми сладкими часами и минутами, проведенными с бабушкой-хохлушкой, были те, когда она, собрав нас, как клушка цыплят под своё крыло, начинала повествование о виденной и пережитой ей с оставшимися шестью детьми войне целиком разрушившей деревню, а так же полутора годах немецкой оккупации. Линия обороны советских войск оказалась на краю деревни. В деревне остались только старики, женщины и дети, которым некуда было деться и которых, при спешном отступлении, не вывезли. Окопы были спешно вырыты на краю деревни – куда по открытой равнине двигались немецкие войска. Жители попрятались в погреб и, вырытые с помощью бойцов- земляные щели. Несколько дней на этой линии шли

бои, и от построек ничего не осталось: скот был угнан ранее, куры, кошки и собаки обезумели и носились по дворам и окопам, припрятанный мелкий скот разбежался по кустам, хаты крытые соломой вспыхивали как спички, гибли невинные люди. В редкие минуты затишья в окопах бойцов появлялись женщины, чтобы покормить бойцов, помочь эвакуировать раненых. Мальчишки приносили воду, собирали стреляные гильзы и просили у солдат стрельнуть в гадов. После отступления советских войск немцы в деревне не появлялись, так как, ни – крова, ни пищи здесь они найти не могли. Изредка являлись полицаи и пытались отловить подростков, чтобы отправить на работы в Германию, но бабушка как и многие другие, успевала прятать своих детей, кто то, видимо из местных полицаев вовремя предупреждал о готовящихся облавах. Удалось пережить и сохранить здоровыми – всех. Один раз явились хорошо обмундированные, сытые полицаи, чьи разговоры выдавали в них националистов с западных и присоединённых накануне войны новых земель Украины перешедших от разгромленной Гитлером Польши. Согнали молодёжь, изнасиловали девиц и угнали в эшелоны, отправлявшие в Германию крепкую рабочую силу и жирный украинский чернозём. Жить много месяцев с ощущением ужаса, потеряв связь с мужем и двумя сыновьями, призванными в армию- испытание, которого и врагу не пожелаешь.

Что случилось, что ещё могло случиться!? Не обо всём нам следовало знать, чтобы не травмировать своими рассказами о годах войны наши не окрепшие души И то что выжили, не умерли от бескормицы (травой приходилось питаться) и болезни не подкосили – все это подвиг матери, наградой за который явилась безграничная любовь детей и внуков. Мужа с войны не дождалась, и никого другого не приветила. Нам с Украины писала письма и когда, после войны восстановили хозяйство, присылали любовно собранные посылки, на которые мы взаимно отвечали. Мы узнавали, как растут её дети, и радовалось за них. О печалях и трудностях ничего не сообщалось. Отец навещая мать на Украине, куда он не вернулся (служба, женитьба, в Борщёвке – ни кола, ни двора),но всячески ей помогал хотя у самого была орава детей. Из каждой своей поездки на родину отец привозил нам подарки от многочисленной родни, а мы все время спрашивали:" Когда же, наконец, к нам бабушка приедет?" и каждую зиму ожидали её, но встреч было немного.

Последний приезд к нам в Уфу, уже на новую трехкомнатную квартиру, вместо приболевшей бабушки совершил ее сын Николай-дядя Коля, который был тамадой на моей свадьбе и провёл её так что это запомнилось на всю жизнь. Вскоре я увидел никогда не лившего слёз, плачущего навзрыд отца, когда пришло сообщение о смерти любимой бабушки со ставшей родной мне, благодаря бабушке, не близкой Украины.

Так судьба подарила мне двух чудесных бабушек и что то от них, видимо, досталось мне не только в виде благодарной памяти, родной крови, но, надеюсь, и в, формировавшемся- благодаря им, характере, а, может быть, и в моей судьбе. Однолюбки, самоотверженные родители, бескорыстные, преданные, не ропщущие на трудности, несущие свой тяжкий крест и любящие жизнь. Спасибо вам, мои голубки, за всё лучшее, что есть во мне!

МАМА

По ходу моего повествования, я постоянно буду вспоминать её, а сейчас, в рассказе, совсем коротко, поскольку не хватит слов и чувств, чтобы оценить её вклад в моё становление. То- что было в моих бабушках, в полной мере, относится и к ней. Она сделала всё возможное, чтобы защитить своих «детиночек» всех своих детей (так она ласково называла как и бабушка Мария) от любых бед и невзгод; бралась за любую работу, грузила на себя все наши заботы, готова была пожертвовать всем и мы чувствовали это, но не всегда могли это оценить, доставляя ей лишние хлопоты и огорчения. Я не знал ни одного случая, чтобы мать обращалась к врачам или показала что ей тяжело, относилась, ко всем своим детям -ровно и трепетно. В моей памяти множество примеров и доказательств её материнской любви заботы и мудрости.

Когда мать, совершенно неожиданно для всех нас, после долгожданной и радостной встречи со своей младшей сестрой, после долгой разлуки умерла, врачи удивились огромному количеству маленьких шрамов на сердце от перенесенных микроинфарктов. Как она все это скрывала, никому не жалуясь и чего ей это стоило, есть ли в этом и моя вина?

В печальной глубине бездонных серых глаз,
Где затаилась тихая улыбка
Является ко мне, на фото, не спросясь,
Моя родная, милая голубка.
Касанье теплых рук и добрый нежный взгляд
Я чувствую, когда мне в жизни трудно,
Жаль не вернуть назад тот несказанный взгляд,
Что освещал моей минувшей жизни утро.
Уж сколько лет прошло, а сердцу тяжело,
Что только мать-природа в жизни вечна,
И не найти тех слов, что могут передать
Сыновнюю любовь, что бесконечна.
Еще вдвойне больней, чо в суматохе дней
Мы матерям не все тепло отдали,
Пусть нас они простят, их материнский взгляд
И их любовь мы детям передали.

ОТЕЦ

Отца из своего раннего детства я помню смутно, слишком много времени у него занимала служба и не мы с матерью жили при отце, а наоборот, он к нам являлся в деревню где мы проживали в небольшом домике с банькой и огородом и появлялся там в редко являвшиеся отпускные дни, благо воинская часть в которой нёс службу отец находилась недалеко от Черниговки в полувоенном посёлке. Самыми памятными были дни когда топилась банька, а отец на этот случай запасался берёзовыми вениками и нещадно использовал их для того, чтобы изгонять из меня и вскоре появившегося брата хвори и зимой из бани, красных, исхлёстанных веником, визжащих выгонял на снег, где мы с громкими воплями бегали и получали порции снега вдогонку. В отсутствии отца подобные процедуры проделывала с нами мать. Когда же вскоре в семье появился еще ребенок и уже в третий раз опять мужского пола отец получил длительный отпуск и занялся серьёзно обустройством нашего невзрачного домика и нехитрого хозяйства находившегося в упадке и с любовью занялся извечным крестьянским трудом, который он хорошо познал в своем детстве и юности и прекрасно знал цену хлебу и крестьянскому труду в который, как, позднее, оказалось, влюбил и меня. Его мать – бабушка Аня, поведала нам, как в страшный год, который на Украине кто-то назвал «Голодомором», отец спас семью в вымирающей Борщовке. В деревне не осталось никакой живности: ни кошек, ни собак, которые раньше были в каждом дворе. Народ забыл вкус хлеба, ползли слухи о людоедстве, а я много лет спустя говорил, находясь на Украине говорил со свидетелем который описал мне страшные картины того времени и подтвердил эти факты. На дорогах стояли заградительные военные отряды, в основном тоже состоявших из крестьян, с жестоким приказом- из оголодавших и вымирающих деревень никого не выпускать в города, чтобы не разносить правду о голоде по городам, где голод не так ощущался. До тогдашней административной и индустриальной столицы Украины города Харьков было совсем близко от Борщовки – от районного центра Балаклеи по железной дороге- несколько десятков километров. Доходила молва, что в громадном городе в рабочих столовках, за счёт которых спасали работников более ценных для власти, чем деревенские мужики, бабы и детишки, можно было на свалках пищевых отходов найти картофельные очистки и ещё кое- что, чем можно было заполнить, без большого вреда желудка, в отощавших скелетах, которые вопили о смерти. На семейном совете, состоявшем из бабушки и деда, в отсутствии семерых изголодавшихся детей, было решено отправить отца, которому исполнилось девять лет, пешком в столицу. Старшего Михаила отправлять было нельзя – солдаты из заградительных отрядов, имея жёсткий приказ стрелять и в подростков, могли убить, а остальные дети были не только истощены, но и малы годами и ничем помочь не могли. Солдат кормили по нормам и за ними строго следили, а что было у этих крестьянских парней, одетых в солдатские шинели в душе отвечали политработники своей карьерой и головой. Отца подкормили, как могли и дали в дорогу что смогли, чтобы выдержать трудный путь, строго дали наказ, исходя из неудачного опыта и сообразительности тех, кто до отца пытался добраться до заветной столицы, где есть что пожевать без большого вреда для отощавшего желудка. От железнодорожной станции, что была и центром района и к которой отец дорогу знал, до столичного Харькова тянулась железная дорога по которой потоком шли поезда, которые тщательно проверялись. Нужно было, ориентируясь на дорогу, не приближаясь к ней близко, крайне осторожно, желательно ночью, ориентируясь на стук колёс и бегущие огоньки пассажирских вагонов, добраться до окраины столицы, где и было большинство столовок крупных промышленных предприятий и свалок. Там, роясь в отбросах у рабочих столовок, заполнить тщательно подготовленный мешок со множеством отделений, подогнанными по росту лямками, чтоб удобно висел на худых плечах и не горбил спину, нужно было заполнить всем тем, что найдётся съедобного и подкормиться самому. Строго-настрога было указано, чтобы

это бесценное добро не пропало- всё тщательно очищать от мусора, сушилось на солнце по технологии заготовки сухофруктов для компотов- чтобы ветерок продувал и солнце палило. Так и ноша будет легче и продукт сохраннее. Этот вяленый продукт, нельзя было, потом, потерять и под дождём и от нападений других более взрослых сборщиков и от оголодавших собак, которые из – за нашествия людей на свалки потеряли часть своего корма и которые не были съедены двуногими и разумными существами. Правда, и в городе собаки стали редкостью. Отец о своих странствиях нам не рассказывал, видно тяжело было это вспоминать, но за семейным столом и в годы изобилия я видел как он берег каждую крошку хлеба и возмущался когда мы не доедали той вкуснятины, что готовила нам мать. Зато бабушка описывала этот факт в таких красках, что отец превращался в ангела-хранителя спасшего семью от вымирания. Когда она – с мужем и детьми, узнавшими, куда отправился их братишка, уже отчаялись дожидаться ходака в город, и не надеялись на удачу, отец вернулся с показавшимся громадным, но не тяжёлым, благодаря тщательному исполнению инструкций и наказов на дорогу, спасительным мешком. Половина деревни ходила, еле переставляя ноги, опухшие от голода из за чрезмерного употребления воды или -превращались в ходячие скелеты. Приход отца был спасением, хотя самый младший брат спасения не дождался и умер от водянки. Недостаток пищи, в основном состоявшей из травы коры деревьев и листьев, и всего, что может переварить желудок, заменяли водой от которой пухли ноги и тело. Врачей до деревень не допускали и советов по выживанию не давали, а вагоны с зерном за границу по торговым договорам шли, чтоб крестьян загнать в колхозы и газеты не писали о страшном бедствии, которое власти не смогли предотвратить. Власть защищала себя, как, могла и тем давала страшный урок недовольным властью.

Много позднее, вспоминая бабушкины рассказы и занимаясь профессионально историей как наукой, прочитав документы той эпохи, лучше понял почему- нас детей первыми сажали за тесноватый обеденный стол на маленькой кухоньке, где всегда было обязательно что- то вкусное приготовленное матерью щедро и с избытком разложенное на тарелки. Сначала вдоволь ели мы, а потом садились родители, которые укоряли нас что мы плохо едим и оставляем «кусаники» – так они называли недоеденный хлеб и всё недоеденное нами. Все недоеденное отец сгружал в свою тарелку и всё, наложенное сверх меры нам, доедал отец когда мы исчезали из кухни и на упрёки матери, что всего вдоволь, как- то по особому смотрел на неё и ничего не говорил сметая правой рукой в левую ладонь крошки хлеба

со стола и бережно отправляя их в рот. Мать тоже прошла через тот страшный голодный год в Башкирии и в урожайной в обычные годы Черниговке, с матерью и вдовой, оставшимися от деда семьёй сиротами. Она с братьями и сестрами тоже хлебнула лиха сверх меры. Спасителем оказался умерший в 1927 году дед оставивший наследство. Зажиточный дом заполненный множеством вещей- нужных, ценных, памятных. Сначала, избавились от них. Последними, перешли в чужие руки золотые и серебряные Георгиевские кресты моего деда, оказавшимися лишними при советской власти, за которые при царе вдове платили бы приличную пенсию. Эта память о мужестве деда и многочисленные подарки от общества герою войны в виде ценных икон, редких книг, золотой юбилейной медали в честь столетнего юбилея полка и подношений по этому случаю из рук императрицы были обменяны в городе на толкучке на продукты, которые и спасли семью, но все наследство деда, включая и дом перешло в чужие руки. Мои внуки, сейчас, при всеобщем магазинном изобилии с непониманием смотрят на меня, когда я призываю их съесть всё до крошки и сметаю крошки со стола не тряпкой, а рукой в левую ладонь и отправляю в свой рот. Я тоже в раннем детстве знал, что такое- требующий пищи живот.

Отец, на время отпущенный из армии чтоб заняться увеличившейся до пяти человек семьёй с четырьмя иждивенцами, устроился учетчиком в местном колхозе и с утра до ночи мотался, без праздников и выходных дней, чаще всего пешком, по обширным полям с двухметровым аршином для замеров выполненных работ и нехитрой бухгалтерией в офицерской сумке висящей через плечо на левом боку. Денег за эту маяту по жаре, в дождь по грязи

и осенью по холодку и на ветру – не платили. Заработок начисляли трудоднями, где часы работы не учитывались. За день труда начисляли натуральную оплату продуктами. По итогам года начислено было четыреста граммов пшена за один трудодень. Все иные продукты должны были являться из личного подворья, на котором не было ни коровы, ни свиньи, зато кормил огород, где гнула спину мать, которая не могла оставить ни на минуту троих сорванцов – мал – мала меньше. Вскоре отца неожиданно для нас отозвали из временного отпуска и мы всей семьёй отправились по новому месту службы отца в Оренбургскую область, на место, которое отец знал по годам войны- Тощкие военные лагеря- самые крупные и в царской России и в Советском Союзе. Война, вообще, перевернула всю жизнь отца и определила его судьбу, занеся в Башкирию, где он нашёл свою суженую и после войны создал семью, так и оставшись здесь со своим своеобразным говором-смесью русского и малороссийского языка расцвеченного особым «гаканьем».

С началом войны в 1941 году, украинский землероб дедушка Николай, был призван в армию и сразу попал на фронт, а отец со старшим братом как военнообязанные без военной подготовки отправлены в тыл для обучения. Отец, как имеющий школьное образование, был направлен в Краснохолмское пехотное училище после окончания которого направлен для обучения солдат пополнявших армию в качестве офицера- инструктора, и, вот, он опять, но уже не молодой, обремененный семьёй, вернулся туда где начиналась его служба, до боли знакомые и описанные великим писателем России Виктором Астафьевым в романе о войне» Прокляты и убиты». Отец всю жизнь гордился тем, что подготовил в тяжелейших условиях множество бойцов среди которых был и не безызвестный Александр Матросов. Но он и представить не мог, в каких событиях и в каком единственном бою, ему придется участвовать. В 1954 году, вновь вернувшийся на службу, вместе с семьёй оказался в Оренбургской степи, в крупнейшем с царских времён Тощком военном лагере, Сюда вместе с отцом по приказу с самого верха были дополнительно сорок тысяч военнслужащих, которые в открытом поле на месте предстоящих военных учений рыли окопы, строили укрепления, в изнеможении, в сумасшедшем темпе проводили учения отрабатывая навыки невиданного ранее боя с применением особых мер безопасности. За короткое время быстро промелькнувшего лета солдаты износили три комплект полевой армейской формы расползавшейся от пота и тяжелого учебного труда и две пары сапог. В это время шел уже четвёртый год войны в Корее. Началась она как гражданская, внутри корейская, но в которую втянулись десятки стран под флагом ООН и под руководством американцев, а на стороне северокорейского коммунистического режима сражалось пятьсот тысяч китайцев, а так же летчики и военные специалисты из Советского Союза. Американские генералы, не имея успехов на полях сражений, широко применяли бомбардировки, но несли большие потери от советских лётчиков и зенитчиков, требовали от своего президента, бывшего командующим американскими войсками в Европе во время Второй мировой войны, награжденного Сталиным советским «Орденом Победы», применить против упорных, неподдающихся корейцев потерявших около трёх миллионов воинов и мирных жителей, атомные бомбы. Вождь страны -Сталин не препятствовал возникновению конфликта и проверял на прочность американцев, имея свои планы на этот счёт. Эти далекие от нас события, оказалось, напрямую затронули и нас.

Плоская, как лист бумажный, степь Оренбуржья стала нашим временным пристанищем накануне значимых перемен. Она будет распахана тракторами, где на целине новые власти, сменившие на вершине прославленного казалось бы вечного вождя всех трудящихся, будут ждать великих урожаев, а пока там готовились собирать другой урожай. Туда, с ещё не залечившей раны войны Украины, в числе первых освоителей целины приедет младший брат отца и там же отцу суждено было вступить в единственный страшный бой, который по оценкам историков и политиков, остановил грозившую начаться термоядерную войну. Весной степь при ярком солнце слепила изумрудной травой, а позднее, там где не была распаханной, становилась

белой колышущейся на ветру простыней буйно разросшегося ковыля. Бескрайняя снежная гладь, свистящий как разбойник ветер, гонящий поземку по полям как волны по морю – все это часть южно-уральской зимы. Летом жара иссушала землю впитавшую снежные барханы, превращая ее в обжигающую пыль, которую ветер гнал по земле как тучи. Если потревожить верхний слой дерна плугом и на поле не успеют взойти новые густые всходы. Ветер свободно гуляет по степи, перемещая валы снега, заноса все, что – хоть чуть-чуть возвышалось над землей и становилось преградой для снежных валов. Поскольку, отец прибыл по спешному призыву, обременённый тремя мальцами, то было выделено жильё. Полигон, где предстояло провести учебный бой, находился в отдалении от небольшого военного поселения – для семейных офицеров. Предоставленное жилище представляло собой вросший в землю сруб с двумя окнами в комнате и небольшой кухней. Половые доски лежали чуть приподнятые над землей, беленая печь и минимум мебели дополняли внутреннее убранство. Одно важное достоинство – в доме зимой было тепло. Скорее всего- это жильё предназначалось для временного проживания и меняло хозяев. Ни забора, ни огорода не предвиделось и в памяти мало что осталось, потому что и мы здесь ненадолго задержались. Вскоре пришлось отправиться к новому месту службы отца – за тридевять земель. Отец никогда не вспоминал этого кратковременного пребывания в знакомых по годам войны местах. Мне пришлось посетить их сорок лет спустя, когда, работая в школе в качестве военного руководителя для переаттестации и повышения квалификации попал в Токские лагеря и снова увидел поразившую меня ковыльную степь- такую же бескрайнюю, плоскую и пыльную, продуваемую ветрами, в значительной мере распаханную и сияющую на солнце цветом золота от колосющихся бескрайних полей пшеницы. Тогда же я узнал, что пришлось почувствовать командиру пулеметного взвода, то есть моему отцу, вместе с сорокатысячной армией, разделённой на военных картах на «красных» и «синих». Учебный бой наблюдал глава государства, сменивший усатого горца у руля громадной страны разгромившей фашизм и ведущей, как гласили газеты и призывали плакаты, все прогрессивное человечество в светлое будущее, которое для меня тогда выражалось просто в том, что и сам улыбающийся с плакатов круглолицый Никита Сергеевич Хрущёв, двинувший сотни тысяч людей поднимать целину, строить заводы -гиганты, штурмовать космос, выразил для советского, народа в виде данного им простецкого, мужицкого определения строящегося коммунизма: " Каждый день можно есть блины с маслом». До блинов было еще далеко, а вот бой, на который явились представители братских стран, два маршала из Монголии и Китая, все советские маршалы, прошедшие суровую школу мировой войны, во главе с маршалом Победы Георгием Жуковым наблюдали невиданное сражение. Наблюдал его и создатель атомной бомбы академик Курчатов вместе со своими коллегами. Кинодокументалисты зафиксировали многие перепитии этого боя и тоже получили свою дозу радиации. Это был первый и единственный в истории вооруженных сил России учебный бой, с реальным использованием ядерного оружия на поле сражения. «Синие» и «красные» на картах в отчетах значились как «западные» и «восточные». В чей состав входил мой отец узнать из за секретности не удастся. За три часа до взрыва население, приближенное к полю боя и находящемуся в радиусе двенадцати километров, без всякого объяснения, было эвакуировано в укрытия и, за десять минут до взрыва, уложено в укрытиях на землю вниз лицом. Нам же, жившим немного подальше, повелели покинуть дома и лечь подальше от них на землю. Скот был заперт в сараи. За пять дней до учений отец расписался в том, что он знает как вести себя во время учений, где находиться, а так же дал подписку о неразглашении военной тайны.

Сейчас об этом бое знают все, кто полюбопытствовал в Интернете. За десять минут до начала боя прозвучал сигнал тревоги и все сорок пять тысяч военнослужащих, не зря три месяца тренировавшихся и изодравших три комплекта формы, стремительным броском заняли свои места в окопах, траншеях и других укрытиях. Танкисты заняли места в машинах, закрыли люки и смотровые щели. 14 го сентября 1954 г. в 9 часов 14 минут атомный груз

был сброшен с большой высоты с самолета и через 48 секунд взорвался на высоте 350 метров с отклонением от цели, командного пункта батальона, на 280 метров, произошел взрыв. По инструкции только через 30 секунд можно было поднять глаза. Те же, кто наблюдал за взрывом из укрытия удаленного на безопасное расстояние, увидели в небе яркую вспышку и явившийся в небе ядерный гриб с красной пульсацией в центре. Темная тень надвинулась на людей. Пульсирующее темное облако, клубящееся как тучи гонимые бурей, с пробивающимися языками пламени, двинулась на бойцов, увидевших через стёкла противогазов картину Апокалипсиса и, наверное, кто-то представил картину ада. Что пережил мой отец я так и не узнал, он тайну сохранил. Но я однажды, может быть, испытал нечто подобное. Учась в школе в период, так называемой «холодной войны», где нас обучали при ядерной тревоге быстро скрываться в обширном подвале, где размещалась школьная раздевалка. В пятидесятые и шестидесятые годы большое внимание уделялось обучению выживания в ядерной войне. Это отразилось и в системе Гражданской обороны, в градостроительстве и программах школьного обучения. Дом, в который переехала наша семья был построен по проекту предусматривающему наличие обширного подвала полностью приспособленного к укрытию большого количества людей со всем необходимым оборудованием для длительного пребывания там и системой жизнеобеспечения. Туда должны были в случае атомной тревоги быстро эвакуироваться жильцы близлежащих домов. Висели указатели путей эвакуации и порядок размещения, инструкции как пользоваться средствами защиты и системой жизнеобеспечения. Несколько раз во время тренировок удалось там побывать и убедиться, что это сложное и дорогостоящее укрытие, только было неясно, а что будет наверху после удара и можно ли спасшимся потом будет по человечески жить. Типовые школы, которые тогда строились в быстрорастущем Черниковске двумя районами: Орджоникидзевским и Калининским слившимся с Уфой, были спроектированы и построены на случай войны как дополнительные убежища для населения и учащихся. Спортивный зал находился на четвертом этаже, занятия физкультурой большей частью проводились на улице на спортплощадке. Во всех кинотеатрах перед демонстрацией художественных фильмов показывали еженедельный киножурнал "Новости дня" и документальные фильмы-инструкции о том как спастись при ядерном взрыве. Все эти наблюдения и переживания, в конце концов, настолько отразились на моей психике, что однажды ночью, я в холодном поту, вскочил с койки и бросился к окну, чтобы увидеть то что происходит за окном. Мне явился страшный сон, единственный который я запомнил в цветном изображении, когда за окном в городе растут ядерные грибы и на меня движется стена огня на фоне которой рушатся здания. Нынешние фильмы ужасов на меня впечатления уже не производят. Наверное, тот бой учебный и два подобных боя, которые позднее провели на своих полигонах американцы, правда держа солдат подальше от места взрыва чем в Тоцке, привел к тому, что пришло осознание, что воевать таким оружием против русских опасно

и для самих же. Вопрос о применении бомбы в Корее заглох.

Воинские части, участвовавшие в том бою, были расформированы, лишь одно подразделение ещё долго и тщательно наблюдалось врачами. Как я могу судить сейчас, бой этот унес здоровье отца и вероятно сказался и на нашем здоровье – так как и мы, находились поблизости. Отцу же предстояла дальняя дорога, о которой он не подозревал.

Из своего, оставшегося далеко позади детства, не мог вспомнить, чтобы отец специально занимался нашим воспитанием, то ли через офицерский ремень бережно хранящийся им, и который я любил носить, то ли через зычный, выработанный службой командный голос, или нудные нравоучения, когда мы должны были мотать его слова на свой ус. Скупой на слова отец исподволь, незаметно для нас всем своим взглядом и видом давал нам знать, что мы что то делаем не так, как по его мнению следует, и сам являл пример как надо слушать мать, помогать по хозяйству, вести себя с людьми большими и маленькими. Он не баловал нас подарками, позволяя это делать матери, не выказывал ласки, особенно на людях, зато в не так частые свобод-

ные дни брал с собой на прогулки по природе, где мы на полной свободе дурачились, не чувствуя навязчивой родительской опеки, которая отмечалась мной в других семьях. С ранних лет отец включал меня в общие семейные дела по домашнему хозяйству в помощь матери. Как со старшего спрашивал с меня за порядок в доме и приучил, чтобы к приходу матери с работы в доме после наших подвижных игр был порядок. Когда мы обосновались в городе, где в отличие от деревни не было хозяйства, которое помогало кормиться а нужны были деньги, чтобы сносно существовать большой семье и больше не на кого надеяться, мать бралась за любую работу и на дому и на производстве. Содержать троих сорванцов, быстро растущих -было не легко. Мать работала и санитаром, и медсестрой, няней в детском саде, а затем воспитателем и сестрой хозяйкой, кастеляншей. работала оператором и на заводе стекловолокна. Когда в доме появилась чудо-машина для шитья, приобретенная отцом в Германии с ножным приводом и вызывавшая зависть швей мастериц, мать быстро освоила её и находясь дома обшивала семью и принимала заказы, а потом поработала и на швейной фабрике. Чудо-мастерица, мать, и кроила, и шила, и вязала, а на нас пацанах всё это любовно сделанное быстро сгорало как на пожаре. Работала мать и поваром-кондитером в детском саде, что при нашем аппетите тоже было важно. Зная, примерное время появления родителей я должен был обеспечить порядок

в доме в нашей первой, небольшой однокомнатной квартире с кухней и ванной. В комнате находилась масса вещей из которых шкаф, стол, широкая тахта и кровать занимали почти все пространство. Но мы ухитрялись в своих подвижных играх в комнате устраивать и догонялки и прятки и бои на диванных подушках в виде валиков, которые служили и подушками пока мы не превращали их в боевое оружие. Два моих младших брата- одно войско, а я -другое. Что становилось с комнатой, когда такие игры заканчивались и сейчас представить трудно и если родители являлись неожиданно для нас, заигравшихся и забывших про время, получал суровый взгляд от отца не произносившего лишних слов, или укоризненные слова с остающимся улыбочивом взгляде матери, мы как побитые собаки понуро и быстро приводили все в порядок. Эти погромы были лишь осенью и зимой, а летом нас тянуло из дома на улицу, где полон двор был ребят для игр. Со временем наших шалостей становилось меньше, а порядка больше и каждый хорошо усвоил свои обязанности. Кто обязан подружиться с тряпкой и веником, кто приятелем мусорному ведру, кто посуде. После ухода родителей на работу обязанности эти свободно по согласию можно было соединить или перераспределить. Любимым занятием был поход по магазинам, когда нам оставляли деньги для покупки продуктов для общего стола, и я, как старший, долго ходил по магазином, стоял в очередях, хорошо знал что почём и экономил копейки для покупки деликатеса – ирисовых конфет, которые вязли в зубах и долго таяли во рту. Однако весь заказ изложенный устно или записанный на листочке исполняли строго.

Когда отцу, после увольнения из армии, на работе, где бывший пулемётчик, стал заниматься ремонтом и обслуживанием контрольно-измерительных приборов, на построенном с его участием заводе, тогда крупнейшим в Европе по своему назначению с привлекательным названием «Синтезспирт», выделили близь завода садовый участок в шесть соток, с весны до осени, исключая время пребывания в пионерском лагере, я с отцом был занят садоводством, огородничеством и строительством садового домика. Сначала, на плечах таскали доски, годные для стройки, из разрушенных на окраине города, лагерных бараков когда-то приютивших репрессированных в 30-е годы. Путь занимал несколько километров, затем явился грузовик и фронт работ был обеспечен надолго и место пребывания в саду стало моим любимым местом. Там с отцом я осваивал возведение деревянной архитектуры и навыки работы с плотницким и столярным инструментом. Отец сам любил эту работу, делал всё основательно и аккуратно, предпочитал- не давать советы, а показывать и научать

приемам работы: пилить, строгать, соединять деревянные детали. Предметом моей гордости было то, что я чувствовал себя не подсобником, а в свои тринадцать лет что- то могу делать своими руками. Эти навыки довели меня до того, что с помощью пилы, стамесок,

рубанка и перочинного ножа, из обрезков досок изготавливал деревянные пистолеты и ружья, которые с успехом обменивал другим ребятам на книги и почтовые марки. И сейчас люблю эту работу, когда без чьей либо существенной помощи, в основном в одиночку, поднял дом на приусадебном участке в пятьдесят лет вспоминая уроки отца. Когда наша «будка», как величал её отец, превратилась в дощатый домик со всеми атрибутами, мы оставались на ночевки, с которых отец уходил на работу на постоянно расширяющийся завод, что был рядом. Любовь к земле, присущая отцу, передалась и мне и я радовался когда поливая водой и потом землю, как на ней появлялись первые зеленые всходы, даже когда это были сорняки. Когда поочередно начиналось цветение ягодных кустов, яблонь и вишен, я с нетерпением ждал воскресенья и после тяжелой учебной недели, когда и заниматься то не хочется, отправлялся по привычному маршруту на трамвае за город, где вечно дымились трубы электроцентрали и двух заводов соседей перерабатывающих нефть и газ. Потом шагал через море садовых участков, как грибы после дождя выросших в громадном количестве за городом, в промышленной зоне, благодаря заботам главного земледельца страны, автора кукурузной эпопеи, мечтавшего накормить всех досыта и привести к коммунизму всех на земле, незабвенного Никиты Сергеевича Хрущёва, так мечту и не осуществившего, но поспособствующего созданию моего маленького рая на шести сотках. Спасибо ему за это, без всякой иронии. Массовое жилищное строительство в эпоху Хрущёва привело и к тому, что семья получила первое сносное жилье и затем расшило его проживая сначала в однокомнатной, а, затем в двухкомнатной квартире стандартных хрущёб -новостроек. Они в Черниковке росли как грибы. Не будет ему спасибо за то, что из заграничного рая, миротворец спешно переместил десятки тысяч офицеров с семьями и миллион солдат демобилизовав их, переплавив танки стоявшие в поверженной, но уже благоустроенной Восточной Германии, обещал быстро и наш народ привести в коммунистический рай, но при энтузиазме, который подогревался пропагандой и экспериментах на основе зарубежного опыта, шараханиями в экономике, явились и большие изменения и оставались многие проблемы, усугубляемые непродуманными волевыми решениями. Любил Никита Сергеевич рубить с плеча, не подумавши крепко головой и посоветовавшись со знающими дело оппонентами. Говоруны окружали говоруна и при

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.